СКАЗКА ВТОРАЯ,
о Шемякиномъ судѣ и о воеводствѣ его и о прочемъ.

КАРЛУ ХРИСТОФОРОВИЧУ К Н О Р Р Е.

СКАЗКА ВТОРАЯ,

о Шемякиномъ судѣ и о воеводствѣ его и о прочемъ; была когда то быль, а нынѣ сказка буднишняя.

Пробѣжалъ заяцъ косой, проказникъ замысловатый, по свѣжей порошѣ; напрыгался, налягался, крюкъ выкинулъ сажени въ три, подъ кочкою улегся, снѣжкомъ загребся, притаился, казалось–бы его ужъ и на свѣтѣ нѣтъ — а мальчишки–плутишки заутре по клюкву пошли и смѣются, на слѣдъ глядя, проказамъ его; экой увертливой, подумаешь, вѣдь не пойдетъ же прямымъ путемъ–дорогой, по людски, виляетъ

стороной, черезъ пень черезъ тынъ, узоры хитрые лапками по снѣжку выводитъ, на корточки сядетъ, лягнетъ, притопнетъ, петлю закинетъ — экой куцой проказникъ! Ну а какъ бы ему еще да лисій хвостъ? — И долго смѣялись зайцу — а заяцъ ужъ Богъ вѣсть гдѣ! Слухомъ земля полнится, а причудами свѣтъ; это не сказка, а присказка, а сказка будетъ впереди. Шемяка судія и Воевода напроказилъ, нашалилъ, и скрылся какъ заяцъ нашъ: да слѣдъ покинулъ рыси своей лебединой–лапчатой; а Русской народъ, какъ извѣстно всему свѣту, необразованный, непросвѣщенный, такъ и радъ случаю придраться, голову почесать, бороду потрясти, зубы поскалить, и подымаетъ на смѣхъ бѣднаго Шемяку судію и понынѣ. Кто празднику радъ, тотъ до свѣту пьянъ; у меня кума жила, на Волгѣ, Соломонида, бывало какъ вспомянетъ, что у свекрови на крестинахъ пономарь оскоромился, такъ и въ слезы; а въ Суздалѣ, сватъ Демьянъ, и на тризнѣ да хохочетъ! Уговоръ лучше денегъ; кто въ куму Соломониду удался, ни

сказки ни присказки моей слушать не садись; сказка моя о похожденіяхъ слезныхъ, приключеніяхъ жалостныхъ, Стоухана Рогоуховича и Бабарыки Подстегайловны, лежитъ у меня подъ спудомъ; а присказка о косомъ и куцомъ зайцѣ и сказка о судѣ Шемякиномъ написана, къ быту приноровлена и поговорками съ ярмонки Макарьевской разукрашена, для свата Демьяна съ честными сотоварищи: всякому зерну своя борозда; на всѣхъ не угодишь; шапка съ заломомъ, будь и бархатная, не на дворянскую голову шьется — а по мнѣ да по свату куцое платье, Французская булка, на свѣтъ не родись! Намъ подай зимою щи съ пирогомъ, кашу; лѣтомъ ботвинью, либо окрошку, тюрю, поставь квасу, да ржанова хлѣбца ломоть, чтобы было за что подержаться, да зубами помолоть — а за тѣмъ просимъ свата Демьяна не прогнѣваться, небылицами коренными Русскими потѣшиться, позабавиться; у насъ съ нимъ, какъ у людей, выше лба уши не растутъ!

Шемяка родился не Воеводою, а мужикомъ. Не родись уменъ, не родись богатъ, а родись счастливъ. Край его былъ бѣдный, народу смыслящаго мало, письменнаго не много, а Шемяка у дьячка въ святцы глядѣть выучился, зналъ праздникъ, по примѣтамъ, отличать отъ буденъ, ходилъ въ тонкомъ кафтанѣ — а какъ на безрыбьи и ракъ рыба, а въ городѣ Питерѣ и курица птица, такъ міръ его и посадилъ въ Старосты. Шемяка мужикъ смирной; когда спитъ такъ безъ палки проходи смѣло; и честный, заговоритъ, такъ что твои краснобаи, душа на ладони и сердце на языкѣ; а что скажетъ, то и свято, гдѣ рука тамъ и голова; лихоимства не зналъ; бывало Федосей, покойникъ, царство ему небесное, вѣчная память, смышленъ и хитеръ, на выдумки, на догадки, тороватѣй Нѣмца инова — ему пальца въ ротъ не клади! Бывало и комаръ носу не подточитъ; да любилъ покойникъ, нечего грѣха таить, чтобы ему просители глаза вставляли серебряные; бывало стукнетъ по головѣ молотомъ, не

отзоветсяль золотомъ? Да и самъ только тѣмъ правъ бывалъ, что за него праведныя деньги молились. Шемяка нашъ простъ, хоть колъ на головѣ теши, да добръ и богобоязливъ; такъ мужики и надѣялись нажить отъ него добра, да и оскоромились. Не то бѣда, что ростетъ лебеда, а то бѣды, какъ нѣтъ и лебеды!

Приходитъ къ старостѣ Шемякѣ баба, просить на парня, что горшки побилъ. Парню, лежа на полатяхъ, соскучилось; поймалъ онъ клячу, а какъ онъ былъ не изъ самыхъ ловкихъ и проворныхъ, такъ не умѣлъ и сѣсть, покуда кума его не подсадила. Кляченка начала его бить, понесла, а на бѣду тутъ у сосѣдки на частоколѣ горшки сушатся — понесла, да мимо горшковъ; онъ, какъ пошолъ ихъ лбомъ щелкать, всѣ пересчиталъ, сколько ни было! —

Судья Шемяка подумалъ да и разсудилъ: чтобы кума заплатила протори, убытки, и горшки сосѣдки, за то, что парня криво на клячу посадила. — Гдѣ судъ, тамъ

и расправа; мы проволочки не любимъ! Деньги на столъ, кума, да и ступай домой!

Чтобы тебѣ быть дровосѣкомъ да топорища въ глаза не видать, за такой судъ, подумалъ сватъ Демьянъ, убилъ бобра! Заставь дурака Богу молиться, такъ онъ и лобъ разшибетъ!

Теперь подошла другая баба съ просьбою. Къ ней въ огородъ и въ дворъ и въ сѣни повадился ходить сосѣдской пѣтухъ; а поваженой что наряженой, отбою нѣтъ; и такой онъ забіяка, что бьетъ безъ пощады ее пѣтуха и отгоняетъ отъ курицъ; а сосѣдка приберечь и устеречь его не хочетъ. Тогда Судія Шемяка приказалъ поймать ей своего пѣтуха и принести, и повелѣлъ писцу своему очинить ему носъ гораздо потонѣе и поострѣе, на подобіе писчаго пера, дабы онъ могъ удобнѣе побивать пѣтуха сосѣдняго. Но онъ скоро, и не дождавшись побѣды своей, изчахъ и умеръ голодною смертію. Чтожъ дѣлать; на грѣхъ мастера нѣтъ; и на старуху бываетъ проруха; конь о четырехъ ногахъ, да

спотыкается, а у нашего пѣтуха, покойника, только двѣ и были!

Теперь еще пришла баба просить на мужика. Какъ квочки разкудахтались, сказалъ Шемяка, визжать, дѣло бабье! Ѣхали они вмѣстѣ, баба съ мужикомъ, на рынокъ; мужикъ сталъ про себя разсуждать: продамъ я курицу, продамъ яйца, да куплю горшокъ молока; а я, примолвила баба съ дуру, я хлѣба накрошу. Тогда мужикъ, не медля ни мало, ударилъ ее въ щеку, и вышибъ у нее два зуба; а когда она спросила, зарыдавъ, за что? Такъ онъ отвѣчалъ ей: «*не квась молока.*» — Мужикъ съ бабой пришли къ Шемякѣ и просили другъ на друга; мужикъ, не запираясь ни въ чемъ, принесъ два зуба, которые у нее вышибъ, въ рукахъ.

Квасить молоко чужое не годится, сказалъ Шемяка просительницѣ; на чужой коровай ротъ не разѣвай, а по раньше вставай, да свой затѣвай! Но и ты не правъ, землякъ: вина одна; съ чужимъ добромъ не носись, на утварь ближняго не посягай. Отдай бабѣ сей же часъ оба зуба, сполна,

да и ступайте, Господь съ вами! тутъ и безъ васъ тѣсно, и на брюхѣ прѣсно: сего дня еще ни крохи, ни капли, въ глотку не попадало, а хлопотъ полонъ ротъ — въ головѣ, какъ толчея ходитъ; бьешься, бьешься, какъ слѣпой козелъ объ ясли! Либо одурѣешь съ этимъ народомъ, прости Господи, либо съ ума сойдешь, либо, за недосугомъ, когда нибудь, безъ покаянія умрешь!

За такія и иныя подобныя, хитрыя увертки и продѣлки, нашего Судіи правдиваго Старосты Шемяки, посадили его на Воеводство, и стали уже отъ нынѣ честить–величать по батюшкѣ: Шемякою Антоновичемъ. Полюбится сатана лучше яснаго сокола; вечоръ Макаръ гряды копалъ, а нынѣ Макаръ въ Воеводы попалъ! Коси малину, руби смородину! Жилъ прежде, такъ сталъ поживать нынѣ; готовый столъ, готовый домъ, а челобитчиковъ, просителей, на крыльцѣ широкомъ, что локтемъ не протолкаешься! Шемяка возмечталъ о себѣ, и сталъ, какъ овсяная каша, самъ себя хвалить и

воспѣвать. Я–де стараго лѣсу кочерга, меня не проведешь, и на кривыхъ оглобляхъ не объѣдешь; у меня чѣмъ аукнешь, тѣмъ и откликнется; судить да рядить я и самъ собаку съѣлъ: я и малаго грѣха, и малой неправды, не потерплю ни въ комъ: отъ малой искры да Москва загорѣлась; вола и рѣзникъ обухомъ бьетъ, убей муху! А у меня, кто виноватъ, такъ виноватъ, хоть себѣ невидимка, хоть семи пядей во лбу будь!

А какъ бы сватъ мой Демьянъ его подслушалъ, такъ и подумалъ бы про себя: Ври на обѣдъ, да оставляй и на ужинъ! Охъ–ты гой еси добрый молодецъ, судія правдивый, Шемяка Антоновичъ, сынъ отца своего роднаго–кровнаго Антона Поликарповича! Ни ухо ты ни рыло, ни съ рожи, ни съ кожи, а судишь такъ что ни мыто, ни катано, ни брито, ни стрижено; у тебя умъ за разумъ заходитъ, знать черезъ чуръ перемудрилъ; а гдѣ тонко, тамъ, того и гляди, порвется! И сатана въ славѣ, да не за добрыя дѣла; а иная слава хуже поношенія. Ты Богословъ, да не однословъ,

мягко стелешь, да жестко спать; скажешь вдоль, а сдѣлаешь поперегъ; запряжешь и прямо, да поѣдешь криво!

Все это подумалъ бы онъ про себя; а сказать, не скажетъ ни слова. Кто Шемяку посадилъ въ Воеводы, тотъ и отвѣчаетъ. Солдатъ солдата подъ бокъ толкаетъ: землякъ! куда мы идемъ, гляди–тка, тутъ головы не вынесешь безъ свища! Про то знаетъ тотъ, кто посылаетъ, проворчалъ старый служивый, не ты за свою голову отвѣчаешь; а ты знай иди, да съ ноги не сбивайся! Такъ и я; не наше дѣло, Попово, не нашего Попа, чужова. Моя изба съ краю, я ничего не знаю!

Пришелъ мѣщанинъ къ Воеводѣ Шемякѣ Антоновичу, просить на сосѣда. Сосѣдъ у него былъ убогій, по имени Харитонъ, отставной цѣловальникъ. Онъ бы поѣхалъ и на топорищѣ по дрова, да чай не довезетъ и до угла — такъ онъ и пришелъ просить у зажиточнаго хозяина кобылу. У меня, говоритъ, и дровни стоятъ на готовѣ, и кнутишко припасенъ, и топоръ за

поясомъ, такъ за малымъ дѣло стало: лошаденки нѣтъ! не откажи, батюшка!

Такъ и кума моя, Соломонида, что на Волгѣ жила, не тѣмъ будь помянута, бывало, о масляной, пошлетъ внучку къ золовкѣ: приказала–де бабушка кланяться, собирается блины печь, такъ ужъ наставила водицы, натолкла и соли, припасла и сковородникъ, а велѣла просить: сковороды нѣтъ ли, мучицы гречневой, молочка, да маслица!

Ссудилъ сосѣдъ Харитона, отставнова цѣловальника, кобылой, пришелъ тотъ къ нему и за хомутомъ; а какъ хомута лишняго у этого не случилось, такъ онъ ему и не далъ. — Тогда убогой Харитонъ нашъ не призадумался: онъ привязалъ кобылу просто къ дровнямъ за хвостъ и поѣхалъ по дрова: когда же, наваливъ возъ большой, возвращался изъ лѣсу домой, такъ былъ подъ ххмѣлькомъ; онъ ворота отперъ, подворотню выставить позабылъ, а самъ кобылу стегнулъ плетью. Она бросилась черезъ подворотню и вырвала себѣ хвостъ весь, а дровни остались за воротами.

Харитонъ приводитъ кобылу безъ хвоста, а хозяинъ, не принявъ ее, пошелъ на него просить.

Воевода Шемяка повелѣлъ кобылу ту привести, и освидѣтельствовать, дѣйствительно ли она безъ хвоста? А когда сіе оказалось справедливымъ, и присяжные ярыги и Думные грамотѣи въ очкахъ хвоста искали, искали, и не нашли, тогда Воевода Шемяка судъ учинилъ и расправу и рѣшеніе такое: Какъ оный убогій мужикъ, Харитонъ, отставной цѣловальникъ, взялъ кобылу съ хвостомъ, то и повиненъ возвратить таковуюжъ; почему и взять ему оную къ себѣ, и держать, доколѣ у нее не выростетъ хвостъ.

Ну вотъ и съ плечъ долой, сказалъ Шемяка про себя; сдѣлаешь дѣло и душѣ какъ–то легче! Премудрость, быть Воеводой! Вѣдь не боги же и горшки обжигаютъ!

Удалось смѣлому присѣсть нагишемъ, да ежа раздавить, подумалъ сватъ Демьянъ, первый блинъ да комомъ! Хоть за то спасибо, что не призадумается; отзвонилъ,

да и с колокольни! Чуть ли нашъ Воевода не съ Литвы; а туда, говорятъ, на всю шляхту одинъ комаръ мозгу принесъ, да и тотъ, никакъ, дѣвки порасхватали, а на нашего брата не досталось, что шиломъ патаки захватить! Нашему Воеводѣ хоть зубы дергай; человѣкъ другому услужилъ, а самъ виноватъ остался; бьютъ и Фому за Еремину вину! Ни думано, ни гадано, накликалъ на свою шею бѣду — не стучи, громъ убьетъ! Кабы зналъ, да вѣдалъ, гдѣ упасть, такъ бы соломы подослалъ — не давать бы кобылы, не ходить бы просить. Мое дѣло сторона; а я бы Воеводѣ Шемякѣ сказалъ сказку, какъ слонъ–Воевода разрѣшилъ волкамъ, взять съ овецъ по шкуркѣ съ сестры, а больше не велѣлъ ихъ трогать ни волоскомъ! Такой колоколъ по мнѣ хоть разбей объ уголъ! Поглядимъ, что дальше будетъ.

Приходитъ еще проситель, по дѣлу уголовному. Сынъ везъ отца, больнова и слѣпова, на салазкахъ, въ баню, и спустился съ нимъ, подлѣ мосту на ледъ. Тогда тотъ же Харитонъ отставной

цѣловальникъ, у котораго и было ремесло, да хмѣлемъ поросло, шелъ пьяный черезъ мостъ, упалъ съ мосту, и убилъ до смерти больнова старца, котораго сынъ везъ на салазкахъ въ баню. Харитонъ, подпавъ суду по дѣлу уголовному, немного струсилъ; а когда его позвалъ Шемяка судія, то онъ, ставъ позади просителя, показывалъ судіи тяжелую, тугонабитую, кожаную кису, будто бы сулитъ ему великое множество денегъ. Шемяка Антоновичъ, Судія и Воевода, приказать и судъ учинить изволилъ такой: чтобы Харитону цѣловальнику стать подъ мостомъ, а вышерѣченному сыну убіеннаго прыгать на него съ мосту, и убить его до смерти. Долгъ платежемъ красенъ. Покойнику же отдать послѣднюю честь, и пристроить его къ мѣсту т. е. отвести ему земли косую сажень, выкопать землянку, снять съ него мѣрку, да сшить на него деревянный тулупъ, и дать знакъ отличія, крестъ во весь ростъ. — Сватъ мой Демьянъ, услышавъ все это, замолчалъ, какъ воды въ ротъ набралъ, и рукой

махнулъ. Теперь, говоритъ, дѣло въ шапкѣ, и концы въ воду; хоть святыхъ вонъ понеси! До поры, до времени, былъ Шемяка и простъ, да лихоимства не зналъ; а въ знать и силу попалъ, такъ и пустился во всякія художества; по бородѣ да по словамъ Авраамъ, а по дѣламъ — Хамъ; — изъ рѣчей своихъ, какъ закройщикъ модной, шьетъ, кроитъ, да выгадываетъ, по заказу, по деньгамъ, по людямъ, по лицу — что дальше, то лучше; счастливый путь!

Наконецъ приходитъ еще челобитчикъ. Тотъ же пьяный дуракъ, Харитонъ, выпросился къ мужику въ избу погрѣться. Мужикъ его пустилъ, накормилъ, и на полати спать положилъ. Харитонъ оборвался съ полатей, упалъ въ люльку и убилъ ребенка до смерти. Отецъ привелъ Харитона къ судіи, и, будучи крайне огорченъ потерею дитяти своего, просилъ учинить судъ и правду. Береза не угроза, гдѣ стоитъ, тамъ и шумитъ! Харитонъ цѣловальникъ зналъ уже дорогу къ правосудію: сухая ложка ротъ деретъ, а за свой грошъ вездѣ хорошъ. Онъ опять

показалъ Шемякѣ, изъ за челобитчика, тугонабитую кожаную мошну, и дѣло пошло на ладъ.

Ахъ ты, окаянный, Шемяка Антоновичъ! Судія и Воевода и блюститель правды Русской, типунъ тебѣ на языкъ! Лукавый самъ не соберется разсудить безпристрастнѣе и замысловатѣе твоего; — а кто хочетъ знать да вѣдать послѣдній приговоръ судіи Шемяки, конецъ и дѣлу вѣнецъ, тотъ купи, за три гривны, повѣствованіе о судѣ Шемякиномъ, съ изящными изображеніями, не то Суздальскаго, не то Владимірскаго художника, начинающееся словами: «*Въ нѣкоторыхъ Полестинахъ два мужа живяше*» — и читай — у меня и языкъ не поворотится пересказывать; а я, по просьбѣ свата, замѣчу только мимоходомъ, что изображеніе Суда Шемякина, церемоніала шествія мышей, погребающихъ кота, и симъ подобныя, неосновательно называются обыкновенно лубочными: это, говоритъ Демьянъ, показываетъ невѣжество и унизительно для Суздальцевъ; изображенія

сіи искусно вырѣзываются на ольховыхъ доскахъ, а не на мягкомъ и волокнистомъ лубкѣ. Но сватъ меня заговорилъ, и я отбрелъ отъ кола; началъ, такъ надобно кончить. Кто въ кони пошелъ, тотъ и воду вози; не дочитавъ сказки, не кидай указки!

И такъ, по благополучномъ рѣшеніи и окончаніи трехъ уголовныхъ дѣлъ сихъ, Шемяка послалъ повѣреннаго своего требовать отъ Харитона платы, которую онъ ему во время суда сулилъ и показывалъ въ кисѣ кожаной. А Харитонъ цѣловальникъ отвѣчалъ: это не киса у меня, а пращъ; лежали въ ней не рубли, а камни; а если бы судія Шемяка меня осудилъ, такъ я бы ему лобъ раскроилъ! Тогда Шемяка Антоновичъ, судія и воевода, перекрестясь, сказалъ: Слава Богу, что я не его осудилъ; дуракъ стрѣляетъ, Богъ пули носитъ; онъ бы камень бросилъ, и, чего добраго, зашибъ бы меня! Потомъ, разсудивъ, что ему пора отдохнуть и успокоиться послѣ тяжкихъ трудовъ и хлопотъ, на службѣ понесенныхъ, разстроившихъ здоровье его, такъ что у него и подлинно уже ногти

распухли, на зубахъ мозоли сѣли, и волоса моль съѣла, — поѣхалъ, для поправленія здоровья своего, на службѣ утраченнаго, за море, на теплыя воды. А Харитонъ цѣловальникъ отставной, какъ пошелъ къ челобитчикамъ, требовать по судейскому приговору исполненія, такъ и взялъ, на мировую, отвяжись–де только, съ одного козу дойную, съ другаго муки четверти двѣ, а съ третьяго, никакъ, тулупъ овчинный, да корову — всякаго жита по лопатѣ, да и домой; а съ міру по ниткѣ, голому рубаха, со всѣхъ по крохи, голодному пироги! Всякъ своимъ умомъ живетъ, говоритъ Харитонъ; старайся всякъ про себя, а Господь про всѣхъ; хлѣбъ за брюхомъ не ходитъ; не ударишь въ дудку, не налетитъ и перепелъ; зимой безъ шубы не стыдно, а холодно, а въ шубѣ безъ хлѣба, и тепло, да голодно!

Вотъ вамъ и всѣмъ сестрамъ по сергамъ, и всякому старцу по ставцу! Шемяка родилъ, жену удивилъ; хоть рыло въ крови, да наша взяла; Господь милостивъ, Царь не всевидящъ — бумага терпитъ, перо пишетъ,

а напишешь перомъ, не вырубишь топоромъ! Нашего Воеводу голыми руками не достанешь; ему бы только рыло свиное, такъ у него бы и сморчекъ подъ землей не схоронился!

Чтожъ сказать намъ про Шемяку Антоновича, какъ его чествовать, чѣмъ его подчивать? — Послушаемъ еще разъ, на прощанье, свата Демьяна, да и пойдемъ. Онъ говоритъ: Удалося нашему теляти да волка поймати! Простота хуже воровства, въ дуракѣ и Царь не воленъ; по мнѣ ужъ лучше пей, да дѣло разумѣй: а кто начнетъ за здравіе, а сведетъ на упокой, кто и плутъ и глупъ — тотъ — на вѣдьму юбка, на сатану — тулупъ!

Кланяйся, сватъ Демьянъ, кумѣ Соломонидѣ, разскажи ей быль нашу о судѣ Шемякиномъ, такъ она тебѣ, горе мыкаючи, въ волю наплачется; скажетъ: Нынѣ на свѣтѣ, батюшка, все такъ; бѣда на бѣдѣ, бѣдой погоняетъ, бѣду родитъ, бѣдою сгубитъ, бѣдой поминаетъ! За грѣхи тяжкіе Господь насъ караетъ; нынѣ, малой хлѣбъ ѣстъ, а крестнаго знаменія сотворити

не знаетъ — а большой, правою крестится, а лѣвую въ чужіе карманы запускаетъ! А мы съ тобою, сватъ, соловья баснями не кормятъ, гдѣ сошлись, тамъ и пиръ; новорожденнымъ на радость, усопшимъ на миръ — поѣдимъ, попьемъ, да и домой пойдемъ!